

Гришина Н.В. Изменения жизненной ситуации: ситуационный подход

English version: [Grishina N.V. Changes of life situation: situational approach](#)

Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия

[Сведения об авторе](#)

[Литература](#)

[Ссылка для цитирования](#)

Проблема изучения изменений контекста остается одной из наиболее актуальных в науке. С точки зрения психологической феноменологии изменения контекста предполагают изменения способов взаимодействия человека с миром. Методологические основы описания изменений контекста как жизненной ситуации отдельного человека были заложены идеями К.Левина. Приводятся результаты эмпирических исследований, посвященных (1) готовности человека к изменениям жизненной ситуации (89 руководителей, возможность карьерного роста, предполагающая изменение места жительства), (2) принятию решений об изменении жизненной ситуации (302 студента-первокурсника, выбор между учебой в родном городе и иногороднем вузе), (3) переживанию чувства одиночества в связи с изменением жизненной ситуации (84 студента-первокурсника, переехавшие в другой город). Полученные данные позволяют сделать выводы о решающей роли жизненной позиции человека, его установки и системы ценностей в принятии решений о выборе в пользу изменения жизненной ситуации или отказе от изменений. Существенную роль в принятии решений играет оценка будущей временной перспективы с точки зрения ее возможностей для человека. Результаты исследований продемонстрировали релевантность и перспективность использования ситуационного подхода.

Ключевые слова: изменения контекста, жизненная ситуация, методология К.Левина, ситуационный подход, ценности человека

Изменения социальной реальности последних десятилетий являются одной из постоянно обсуждаемых тем в современной социальной и гуманитарной науке. Со времени работ историка А.Тойнби, который ввел в науку понятие вызова, эти изменения рассматриваются как своего рода «задача», требующая «ответа» культур, социальных сообществ и отдельных людей.

Открывая 12-й Европейский психологический конгресс [Стамбул, 2011], Р.Роэ, президент EFPA (Европейская федерация психологических ассоциаций) в связи с необходимостью усиления роли психологов в жизни современной Европы обозначил наиболее актуальные проблемы психологической науки и практики. Примечательно, что все они так или иначе относятся к проблемам социального контекста, что неудивительно, поскольку, по мнению ученых, влияние контекстуальных переменных растет.

Несмотря на очевидность роли контекста и его изменений в существовании человека, его психологическом благополучии, равно как и психологической феноменологии в целом, социальные изменения и общая тема стабильности-нестабильности контекста жизни людей долгое время остаются за пределами внимания психологической науки. По мнению Г.М.Андреевой, в этом отчасти проявилось влияние американской парадигмы социальной психологии XX века [Андреева, 2002]. Идея необходимости переориентации психологической науки на изучение человека в *изменяющемся* мире особенно отчетливо осознается учеными, в полном соответствии с парадигмой «вызова – ответа» А.Тойнби, в контексте социальных потрясений 60-х годов прошлого века и возникает, прежде всего, в европейской психологии.

Так, еще в коллективной работе европейских психологов [Контекст в социальной психологии, 1972], которая стала знаковой в истории психологической науки XX века, будучи «вызовом» и критикой существовавших исследовательских подходов, подвергается сомнению их релевантность, прежде всего из-за «социального вакуума», в котором проводятся исследования, особенно экспериментального характера. Напомним, что именно в этой работе А.Тэшфел акцентирует внимание на проблеме взаимосвязи между человеком и социальным изменением. В его понимании «изменение» – это «фундаментальная характеристика социальной среды, представляющая наиболее сложную проблему, поставленную этой средой перед человеческим организмом». При этом он настаивает на том, что социальные изменения должны быть описаны не только в привычных понятиях масштабных социальных, технологических, политических и других преобразований. «Изменения представляют собой также онтогенетическое явление в том смысле, что любое изменение в жизни индивида, включая его взросление и старение, выдвигают перед ним новые требования к реагированию на внешнюю среду и на действие в ней» [Тэшфел, 1984, с. 242].

Кардинальные изменения реальности российского общества сделали задачу их изучения особенно актуальной. Так, в исследовании качества жизни населения Петербурга (1990–2004 гг.) К.Муздыбаев получил данные о сопутствующих объективным изменениям среды (динамика доходов населения, прожиточного минимума, структуры потребления, качества жилья и др.) изменениях в удовлетворенности жизнью, эмоциональных переживаниях людей и т.д. [Муздыбаев, 2005].

В отечественной психологии идея социальных изменений и необходимости изучения человека в изменяющемся мире достаточно давно была осмыслена и обозначена как методологически центральная в современных подходах [Андреева, 2002, 2009, 2011; и др.], что – наряду с расширением пространства научного знания – привело к появлению новых понятий и категорий, равно как и потребовало пересмотра принципов построения категориального строя современной психологии в целом [Марцинковская, 2009].

Для психологической науки социальная реальность – это, прежде всего, контекст существования человека, пространство его возможностей, пространство «творения» им своего жизненного мира. Среди наиболее часто упоминаемых изменений контекста – *изменения временных характеристик* (удлинение продолжительности жизни, изменения темпа жизни, изменения временной перспективы и т.д.) и *изменения пространственных характеристик* («расширение» пространства жизни, социальных связей с миром, «включенность» человека в разнообразные социальные контексты; усиление «социальной вариативности»: рост числа неопределенных социальных ситуаций, усиление многообразия видов деятельности и многообразия социальных ролей, культурная «многомерность» пространства; «изменение моделей поведения»: потенциальная множественность нормативных моделей; отсутствие четко структурированных нормативных моделей; новые формы коммуникации и т.д.) (подробнее см. [Гришина, 2011а]). Задача осмысления этих изменений в терминах индивидуального жизненного мира остается актуальной для психологической науки.

Изменения жизненного пространства

С точки зрения психологической феноменологии изменения контекста предполагают *изменения способов взаимодействия человека с миром*. Человеческое развитие, по мнению специалистов, основано на взаимообмене между изменяющимися контекстами, от макросреды к микромиру и индивиду.

В наших исследованиях разнообразие возможностей в способах отношений человека с миром изучается в рамках индивидуализации его жизненного сценария [Гришина, 2011b]. Индивидуализация жизненных сценариев в социологическом аспекте проявляется в описанной в литературе и неоднократно эмпирически подтвержденной тенденции к дестандартизации жизненных моделей у младших поколений (как следствие – усиления социальной вариативности, неопределенности, множественности выбора и др.); в психологическом аспекте – в движении от детерминации к самодетерминации, в становлении человека как субъекта жизни, в соответствующих изменениях в ценностно-смысловой сфере (эмпирически описанных тенденциях уменьшения у младших поколений значения консервативных ценностей, усиления ценностей самостоятельности,

стремления к новизне, чувства возможного, целенаправленности в поведении и др.); в экзистенциальном аспекте – в осознании «авторства» собственной жизни как свободы и способности действовать, в осознании ответственности за свой жизненный мир.

Особенности в выстраивании способов отношений с окружающим миром становятся важнейшей психологической характеристикой индивида, что расширяет представления дифференциальной психологии, в большей мере акцентировавшей внимание на традиционных индивидуальных особенностях людей и особенностях их внутреннего мира. Дифференциация людей, пишет Д.А.Леонтьев, «определяется мерой их индивидуальной онтогенетической эволюции, являющейся следствием их личного выбора и усилия. Вариативность людей проявляется не просто в выраженности тех или иных индивидуальных особенностей и в своеобразии внутреннего мира, а в качественной разнородности форм отношений с миром у разных людей» [Леонтьев, 2004].

В основу методологии описания изменений контекста как жизненной ситуации отдельного человека могут быть положены идеи К.Левина, которому психология обязана введением концепта пространства. Напомним некоторые из них.

Понятие «психологического жизненного пространства» является центральным концептом теории поля. Описывая теорию поля, Левин отмечает, что ее основные положения сводятся к выведению поведения из всей совокупности сосуществующих фактов, пространство которых имеет характер «динамического поля», что означает, что состояние любой части этого поля зависит от другой его части. Данный принцип, по мнению Левина, является основополагающим для построения научной психологии.

Окружающий мир человека и составляющие его объекты приобретают валентность только благодаря потребностям человека. Как пишет Зейгарник, «...для К.Левина было важно установить, что окружающее психологическое «поле», окружающая ситуация таят в себе возможность вызвать действие в направлении предмета с положительной валентностью или уйти от предмета с отрицательной валентностью. Это означает, что субъект с его внутренними заряженными системами и окружающая ситуация («психологическое окружение») составляют единый континуум» [Зейгарник, 1981, с. 46].

Таким образом, поведение человека направляется возникающими у него намерениями, в основе которых лежат его потребности, а с другой стороны, и возникновение самих этих потребностей, и их реализация зависит от ситуации.

Жизненное пространство человека – это «живое» пространство, изменяющееся в процессе жизни человека. Левин следующим образом суммирует изменения жизненного пространства, имеющие место в ходе развития человека: «(1) увеличение *размера* жизненного пространства в отношении (а) того, что является частью психологического настоящего; (б) временной перспективы в отношении психологического прошлого и психологического будущего; (в) измерения реальности-ирреальности; (2) растущая *дифференциация* каждого уровня жизненного пространства на множество социальных связей и областей деятельности; (3) возрастающая *организация*; (4) изменение в отношении *неустойчивости* или *твердости* жизненного пространства» [Cartwright, 1963, p. 246–247].

Общие изменения жизненного пространства индивида могут соответствовать вектору развития, характеризующегося вышеназванными параметрами, а могут быть обозначены как временная или постоянная регрессия. Она может быть описана через противоположные развитию тенденции – сужение жизненного пространства в области психологического настоящего, уменьшение временной перспективы, снижение дифференциации жизненного пространства, уменьшение его организованности и т.д. Ситуационный подход, основанный на идеях К.Левина, неоднократно применялся нами в исследованиях, однако его эвристический потенциал, по нашему мнению, остается еще далеко не исчерпанным [Гришина, 2012].

Эмпирические исследования

В рамках наших исследований, посвященных жизненным сценариям человека, проводилось изучение изменений жизненных ситуаций, готовности людей к этим изменениям, их восприятию и переживанию людьми. Объектом исследования являются реальные жизненные ситуации, переживаемые людьми.

Изучение готовности человека к изменениям

В проведенном под нашим руководством исследовании А.Волковой изучалась готовность к изменению жизненной ситуации, в частности при появлении возможностей, связанных с карьерным развитием. Участниками исследования были руководители среднего звена крупных российских и международных компаний, которые на протяжении последних 5 лет получали предложения работодателя, предполагающие карьерный рост и связанные со сменой места жительства, всего 89 человек. Необходимо отметить, что в абсолютном большинстве случаев отказ от предложения работодателя означал для участников исследования отказ от возможности карьерного развития, но не грозил потерей рабочего места. То есть никому из испытуемых не приходилось оказываться в ситуации, в которой работодатель не оставлял ему выбора (сокращение персонала, реорганизация структуры и др.).

На основании принятых ими решений участники исследования были поделены на три подгруппы – немобильных лиц (отказавшихся от переезда), готовых к мобильности (один переезд за это время) и склонных к мобильности (несколько переездов в течение последних 5 лет), причем выделенные по данному основанию три подгруппы оказались практически равными по численности.

Исследование было построено на основании сравнения психологических особенностей лиц, относящихся к разным группам. Отношение к возможным изменениям привычной жизненной ситуации изучалось с помощью набора суждений, описывающих когнитивные установки (убеждения, касающиеся позитивной или негативной оценки стабильности или изменений в жизни), эмоциональное отношение к изменениям и оценку собственных поведенческих навыков приспособления к изменениям. Собиралась и более детальная информация об отношении респондента к переезду, связанному с карьерным ростом, а также задавались вопросы биографического характера, связанные с детством, сменой места жительства в родительской семье и др., а также вопросы о том, что является ключевым аргументом в пользу или против переезда, какие изменения – негативные или позитивные – человек связывает с предстоящим / состоявшимся переездом и др.

Так, биографические данные выявили некоторые интересные различия между группами. 70% представителей первой, «немобильной», группы никогда не меняли место жительства, во второй и третьей группах, напротив, 62,1% и 53,3% соответственно меняли место жительства, переезжая вместе с родителями. Отличаются и данные о начале самостоятельной жизни: в возрасте 20–25 лет самостоятельную жизнь начали 26,7% представителей первой группы и 31,0% второй. В третьей, самой мобильной группе, 60,0% начали самостоятельную жизнь до 20 лет. Соответственно получены и разные данные относительно ценности семейных традиций: большое значение им придают 60,0% представителей первой группы, 55,2% второй и 16,7% третьей. Статистически значимые различия были получены и в отношении ряда убеждений, касающихся стабильности или изменений жизненной ситуации. Например, с известным утверждением «Мой дом – моя крепость» согласны 66,7% представителей первой группы, 41,4% второй и 36,6% третьей группы.

Для всех участников исследования характерен высокий уровень общего показателя жизнестойкости, однако ни он, ни значения отдельных компонентов не показали статистически достоверного влияния на уровень мобильности.

Гораздо более существенные связи с показателями мобильности были обнаружены при изучении ценностей участников исследования (методика Ш.Шварца). Сравнение иерархии ценностей выявило значимые различия между немобильной и мобильными группами. Группу «немобильных» участников исследования характеризует отличная от двух других групп иерархия ценностей. Так, в число наиболее значимых ценностей входит ценность безопасности (как на уровне нормативных идеалов, так и на уровне индивидуальных приоритетов). Ценность «достижение», значимая для двух других

групп, не является таковой для «немобильных». В число наименее значимых ценностей для них (опять как на уровне нормативных идеалов, так и на уровне индивидуальных приоритетов) входит «стимуляция», отражающая стремление к новизне. (Для сравнения – в группах «мобильных» к наименее значимым относится ценность «конформность»). Таким образом, для лиц, которые в рамках данного исследования рассматривались как «немобильные», отчетливо характерна тенденция к принятию ценностей «сохранения».

Связь готовности к мобильности и ценностей была подтверждена данными корреляционного анализа. На уровне убеждений (нормативные ценности) готовность к мобильности отрицательно связана с ценностями безопасности ($-0,494^{**}$) и традиций ($-0,401^{**}$), положительно – с ценностями достижений ($0,494^{**}$) и стимуляции ($0,447^{**}$) на высоком уровне значимости ($p < 0,001$). На уровне поведения (индивидуальные приоритеты) получены те же связи: отрицательные – с ценностями традиций ($-0,576^{**}$), конформности ($-0,523^{**}$) и безопасности ($-0,420^{**}$), положительные – с ценностями стимуляции ($0,525^{**}$) и достижения ($0,481^{**}$).

Таким образом, для лиц, которые в рамках данного исследования рассматривались как «немобильные», отчетливо характерна тенденция к принятию ценностей «сохранения»: ценности безопасности и стабильности достоверно и отрицательно влияют на уровень мобильности и входят в число наиболее значимых для немобильных участников исследования. Ценности, которые достоверно и положительно влияют на уровень мобильности, входят в число наиболее значимых для мобильных участников исследования и не являются значимыми для немобильных, – это, прежде всего, ценности самостоятельности и достижений.

Следует отметить, что абсолютное большинство «мобильных» участников исследования (и второй, и третьей группы) считают, что смена места жительства, связанная с карьерными изменениями, положительно сказалась на их карьерном и личностном росте, отношениях с родными и близкими. В то же время именно проблемы с близкими выдвигались в качестве основной причины отказа от жизненных перемен «немобильными» сотрудниками.

К наиболее интересным из полученных результатов можно отнести данные о том, что статистически значимые различия между мобильными и немобильными участниками исследования выявлены на уровне убеждений, тогда как на уровне поведения все участники исследования продемонстрировали высокий уровень мобильности (не ограниченной профессиональной сферой).

В целом можно утверждать, что при принятии решения об изменении жизненной ситуации жизненная позиция человека, его установки и система ценностей играют более значимую роль, чем поведенческие навыки и поведенческая готовность к изменениям.

Данный вывод мы хотели бы проиллюстрировать результатами еще одного исследования.

Изучение ситуации принятия решения выпускниками школ о поступлении в вуз и переезде в другой город

Изучению ситуации принятия решения выпускниками школ о поступлении в вуз и переезде в другой город посвящено диссертационное исследование Муртазиной, выполняемое под нашим руководством.

Современная система поступления в высшие учебные заведения зачастую создает ситуации, когда абитуриент через ЕГЭ получает возможность зачисления в более чем один вуз, и тем самым он оказывается перед необходимостью выбора из нескольких вузов. Данная ситуация рассматривается нами как ситуация значимого жизненного выбора, поскольку предметом решения является не только выбор конкретного учебного заведения, но жизненная ситуация в целом: выбирая иногородний вуз, молодой человек оказывается перед необходимостью переезда в другой город. Переезд в другой город изменяет практически все параметры жизненной ситуации, выбор вуза в своем городе – только один: характер учебной деятельности. Таким образом, это выбор между сохранением привычного способа существования (жизнь в родном городе, общение в привычном кругу, жизнь в семье и т.д.) и кардинальным изменением жизненной ситуации.

Участниками исследования были старшеклассники и студенты-первокурсники. Мы остановимся только на некоторых результатах сравнения двух подгрупп: (1) молодые люди, принявшие решение об учебе в другом городе, что изменяет их жизненную ситуацию (110 человек), (2) молодые люди, решившие остаться на учебу в родном городе (192 человек). Речь идет об одном и том же крупном городе, располагающим своими вузами, в то же время часть выпускников (первая группа) предпочли учебу в столичном городе.

Полученные данные свидетельствуют о значимых ценностных различиях (методика Ш.Шварца) между представителями двух групп. Так, ценность «стимуляция» (стремление к новизне) занимает 4-е ранговое место в первой группе и последнее ранговое место во второй группе. В то же время ценности сохранения – «конформность», «традиции», «безопасность» – достоверно более значимы для второй группы. Таким образом, если, по аналогии с предыдущим исследованием, считать первую группу участников «мобильной», а вторую нет, то полученные между ними ценностные различия полностью подтверждают приведенные ранее результаты предыдущего исследования.

Различия между представителями этих групп были зафиксированы по целому ряду параметров. В целом молодые люди, принявшие решение об учебе в другом городе и изменившие свою жизненную ситуацию, имеют более высокие показатели по всем параметрам теста «Жизнестойкость», более высокие показатели интернальности, более высокие показатели по смысложизненным ориентациям, более высокие показатели толерантности к неопределенности.

В соответствии с идеями К.Левина поведение человека является своего рода итоговым результатом действия побуждающих и сдерживающих сил. Каждое из изменений или сохранение неизменными параметров жизненной ситуации может обладать привлекательностью или непривлекательностью для человека. Так, для 40% опрошенных первокурсников выбор обучения в родном городе был определен нежеланием уезжать от семьи и друзей. Для тех, кто выбрал переезд на учебу в другой город, наиболее мотивирующим фактором стали возможности этого города: более 40% опрошенных связывают необходимость переезда с большими возможностями образования, его более высоким уровнем качества, наличием более благоприятных возможностей дальнейшего трудоустройства.

Таким образом, основания для принятия решения двумя группами молодых людей имеют разный характер. В первом случае большей привлекательностью наделяется привычная ситуация (прежде всего за счет высокой притягательности аффективных отношений), которая удерживает от перемен, во втором – будущая временная перспектива за счет связываемых с ней надежд наделяется высокой валентностью (по терминологии Курта Левина) и побуждает к изменениям.

Изучение переживания чувства одиночества в связи с изменением жизненной ситуации

Выполненное под нашим руководством исследование И.В.Горловой было посвящено изучению переживания чувства одиночества иногородними студентами-первокурсниками. На разных этапах исследования в нем принимали участие 84 иногородних студента-первокурсника СПбГУ, проживающие в общежитиях университета.

В основу исследования был положен ситуационный подход, который связывает чувство одиночества с ситуацией, переживаемой человеком, и который в наибольшей степени отвечает проблеме исследования – переживание одиночества молодыми людьми, переехавшими из родного города в другой в связи с поступлением в вуз, что фактически означает полное изменение их жизненной ситуации. Специальное внимание было уделено изучению жизненной ситуации – жизни молодых людей в своем родном городе, прежде всего их отношениям со своим непосредственным окружением (родителями, друзьями, школьным классом), переживанию отъезда из родного дома, ситуации, сложившейся в новом для них городе.

В соответствии с гипотезами исследования предполагалось, что чувство одиночества, переживаемое переехавшими в Санкт-Петербург студентами, имеет свою динамику, поэтому его диагностика проводилась дважды – в ноябре и в марте. Кроме того, были сформулированы гипотезы относительно

связи переживаемого молодыми людьми чувства одиночества с их индивидуально-психологическими особенностями, а именно характеристиками адаптационного потенциала и показателями жизнестойкости.

В целом для студентов-первокурсников был характерен средний уровень субъективного переживания одиночества (Шкала измерения одиночества, UCLA, Д.Рассел). Они легко адаптируются к новым условиям деятельности, быстро входят в новый коллектив, достаточно легко ориентируются в ситуации, быстро вырабатывают стратегию своего поведения и социализации. Студенты показали высокий уровень уверенности в себе и в своих силах.

Отдельные вопросы теста одиночества оказались связаны с компонентами жизнестойкости, такими как вовлеченность, контроль и принятие риска, а также с поведенческой регуляцией – компонентом адаптационного потенциала (личностный опросник «Адаптивность», Маклаков, Чермянин). Однако в целом эти связи оказались весьма ограничены, фактически можно сказать, что результаты исследования не подтвердили гипотезы о тесной связи одиночества с данными психологическими особенностями человека.

В то же время мы получили значимые связи показателей одиночества с ответами студентов на вопросы об их жизненной ситуации, ее восприятии, оценке, изменениях жизненной ситуации. Так, например, отсутствие близких отношений в актуальной жизненной ситуации усиливает нежелание уезжать из дома ($0,359^{**}$, $p < 0,01$) и отрицательно связано с ответом на вопрос о том, насколько молодой человек чувствует, что отвык от родного дома ($-0,378^{**}$, $p < 0,01$). Ответ на этот вопрос также положительно связан ($0,304^{**}$, $p < 0,01$) с общим чувством изоляции от других людей: получается, что если у молодого человека в его новой ситуации еще не появились друзья, это усиливает его привязанность к своему дому, прошлой ситуации; если же он чувствует, что отвык и от собственного дома, это рождает общее чувство изолированности от людей.

Полученные данные свидетельствуют о том, что респонденты связывают чувство одиночества с параметрами собственной жизненной ситуации. Именно ситуационные факторы оказались наиболее значимыми для понимания природы переживаемого студентами одиночества, что подтвердило правомерность использованного в исследовании ситуационного подхода.

В рамках ситуационного подхода получает объяснение и установленный в исследовании факт того, что при втором замере (март 2013-го) у 74,1% участвовавших в исследовании студентов уровень одиночества возрос. Мы связываем это возрастание с тем, что опрос был проведен после приезда с каникул, которые молодые люди проводили дома. Если бы переживание одиночества студентами было связано с проблемами адаптации, тогда следовало бы ожидать уменьшения этого чувства по мере привыкания. Однако встреча с родными, возвращение в знакомую ситуацию, вызвало в сознании переживания и эмоции, связанные с родным городом и семьей. Изменения жизненной ситуации у переехавших в Петербург студентов весьма значительны – отъезд из родного дома, города, привычного круга общения, появление новых забот, ответственность за себя и самостоятельность (иногда вынужденная). Возвращение – хотя и на время – в привычную ситуацию дает чувство защищенности, комфорта, снятия напряжения.

Таким образом, в ходе нашего исследования была подтверждена правомерность ситуационного подхода к пониманию одиночества, по крайней мере в случаях изменения жизненной ситуации.

Обсуждение результатов и выводы

Проведенные нами эмпирические исследования, посвященные разным аспектам изменения жизненной ситуации (готовности-неготовности к изменению жизненной ситуации, принятию решения в пользу изменения жизненной ситуации или ее сохранения неизменной), показали, что при принятии решений об изменении жизненной ситуации жизненная позиция человека, его установки и система ценностей играют более значимую роль, чем поведенческие навыки и поведенческая готовность к изменениям. Психологические особенности человека, которые могут выступать как ресурсы в ситуации изменений (жизнестойкость, адаптационный потенциал), оказываются менее значимыми, чем его ценностные установки, фактически отражающие его отношения с окружающим

миром.

Исследования в области принятия решений в жизненных ситуациях нередко делают акцент на мотивации индивида, при этом отказ от тех или иных действий часто интерпретируется как недостаточная мотивация. Вместе с тем, в соответствии с подходом К.Левина, поведение человека должно выводиться из всей совокупности сосуществующих фактов его жизненного пространства. Решение в пользу сохранения привычного связано с наделением большей привлекательностью имеющейся жизненной ситуации, которая удерживает от перемен. В случае выбора в пользу изменения жизненной ситуации решение основано на будущей временной перспективе и теми надеждами, которые с нею связываются.

Напомним об измерении реальности-ирреальности жизненного пространства по К.Левину: «Уровень ирреальности психологического будущего соответствует желаниям или страхам в отношении будущего; уровень реальности – тому, что ожидается» [Cartwright, 1963, p. 141]. Если желания человека подкрепляются его ожиданиями относительно будущей ситуации, это рождает надежду [Cartwright, 1963, p. 245]. Оценка будущей ситуации в терминах неопределенности, неизвестности и риска приводит к тенденции сохранения привычного, оценка будущей ситуации в терминах возможностей приводит к выбору нового.

Таким образом, существенную роль в принятии решений об изменении жизненной ситуации должна играть оценка факторов среды, прежде всего с точки зрения ее возможностей для человека. В этой связи могут представлять интерес оценки среды, используемые при изучении качества жизни. Так, известная классификация качества жизни человека Р.Винховен основана на двух основных параметрах – «жизненные шансы» и «жизненные результаты». При этом оба эти параметра имеют как объективное, «внешнее» выражение, так и субъективное, «человеческое». Жизненные шансы с точки зрения «внешних» оценок – это «пригодность среды для жизни», с точки зрения «человеческих» параметров – это жизнеспособность человека. Использование жизненных шансов дает жизненные результаты, которые в объективном выражении оцениваются как «полезность жизни», а с точки зрения человека – в его субъективной оценке собственной жизни [Veenhoven, 2000].

Еще одной демонстрацией возможностей ситуационного подхода стал результат, полученный нами в исследованиях переживаемого людьми одиночества и относящийся к его циклическому характеру. «Маятниковый эффект» в динамике переживаемого одиночества связан с «возвращением» в привычную жизненную ситуацию, контактом с ней. «Движение» из одной ситуации в другую, возможность (на самом деле, как правило, иллюзорная) перехода из одной ситуации в другую меняет картину переживаний, связанных с этими ситуациями, в частности переживания одиночества, что не может быть объяснено исключительно в рамках представлений об адаптации человека. Продолжение исследований в этой области должно ответить на вопрос об универсальности «маятникового эффекта» (условиях, при которых он возникает) и его устойчивости (времени и условиях «затухания»).

В целом проведенные исследования подтвердили релевантность и перспективность использования ситуационного подхода.

Литература

Андреева Г.М. В поисках новой парадигмы: традиции и старты XXI в. В кн.: Г.М. Андреева, А.И. Донцов (Ред.), Социальная психология в современном мире. М.: Аспект Пресс, 2002. С. 6–26.

Андреева Г.М. Социальная психология: векторы новой парадигмы. В кн.: Ю.П. Зинченко, Т.Д. Марцинковская (Ред.), Константа в неопределенном и меняющемся мире. М.: Моск. гос. университет, 2009. С. 376–396.

Андреева Г.М. К вопросу о кризисе идентичности в условиях социальных трансформаций. Психологические исследования, 2011, 6(20), 1. <http://psystudy.ru>

Гришина Н.В. Социальная психология: вызовы XXI века. Вестник Санкт-Петербургского

университета. Сер. 16, Психология. Педагогика, 2011а, No. 4, 18–21.

Гришина Н.В. Жизненные сценарии: нормативность и индивидуализация. Психологические исследования, 2011b. 3(17), 6. <http://psystudy.ru>

Гришина Н.В. Ситуационный подход и его эмпирические приложения. Психологические исследования, 2012, 5(24), 2. <http://psystudy.ru>

Зейгарник Б.В. Теория личности Курта Левина. М.: Моск. гос. университет, 1981.

Леонтьев Д.А. К дифференциальной антропологии. В кн.: Наука и будущее: идеи, которые изменят мир: тез. докл. междунар. конф. Москва, 14–16 апреля 2004. С. 107–109.

Марцинковская Т.Д. К вопросу о роли личности в истории социальной психологии. В кн.: Ю.П. Зинченко, Т.Д. Марцинковская (Ред.), Константа в неопределенном и меняющемся мире. М.: Моск. гос. университет, 2009. С. 165–179.

Муздыбаев К. Качество жизни населения Петербурга: 1990–2004 годы. СПб.: Леонтьевский центр, 2005.

Тэшфел А. [Tajfel H.] Эксперименты в вакууме. В кн.: Г.М. Андреева, Н.Н. Богомолова, Л.А. Петровская (Ред.), Современная зарубежная социальная психология. М.: Моск. гос. университет, 1984. С. 229–243.

Cartwright D. (Ed.). Field Theory in Social Science. London: Tavistock Publications, 1963.

Veenhoven R. The Four Quality of Life. Journal Of Happiness Studies, 2000, 1(1), 1-39.

Поступила в редакцию 28 июня 2013 г. Дата публикации: 31 августа 2013 г.

[Сведения об авторе](#)

Гришина Наталья Владимировна. Доктор психологических наук, профессор, кафедра общей психологии, факультет психологии, Санкт-Петербургский государственный университет, наб. Макарова, 6, 199034, Санкт-Петербург, Россия.
E-mail: grinat07@gmail.com

[Ссылка для цитирования](#)

Стиль psystudy.ru

Гришина Н.В. Изменения жизненной ситуации: ситуационный подход. Психологические исследования, 2013, 6(30), 3. <http://psystudy.ru>

Стиль ГОСТ

Гришина Н.В. Изменения жизненной ситуации: ситуационный подход // Психологические исследования. 2013. Т. 6, № 30. С. 3. URL: <http://psystudy.ru> (дата обращения: чч.мм.гггг).
[Описание соответствует ГОСТ Р 7.0.5-2008 "Библиографическая ссылка". Дата обращения в формате "число-месяц-год = чч.мм.гггг" – дата, когда читатель обращался к документу и он был доступен.]

Адрес статьи: <http://psystudy.ru/index.php/num/2013v6n30/860-grishina30.html>

[К началу страницы >>](#)